

ВЕПС

Дмитрий Чарков

16+

Дмитрий Чарков

Вепс

«ЛитРес: Самиздат»

2020

Чарков Д.

Вепс / Д. Чарков — «ЛитРес: Самиздат», 2020

По вере вашей и будет вам. Кто-то верит в ангела смерти, кто-то в ангела жизни. Третьи - в родовую карму, а ещё есть просто фаталисты. Если падает камень точно в темечко - есть ли шанс вымолить паузу в то краткое мгновение между его соприкосновением с плотью и фактической смертью? Думаю, вряд ли. Наличие либо отсутствие веры в суть мироздания никаким образом не влияет на материальность всего окружающего, включая Духа. Или Ангела. Не важно, на самом деле, какого – Смерти, Света, Хаоса, Энергии или элемента Троиинства... Мы все объединены здесь и сейчас одним общим для всех домом – планетой Земля в знакомом нам измерении, со всеми присущими ей стихиями. Управлять ими никто до конца не властен. Но жить с ними в гармонии и взаимном уважении и любви – истинно святое дело каждого обитателя. И не принципиально, видимы ли эти обитатели друг другу, или нет. Тогда и не будет нужды вымаливать в то короткое мгновение перед Вознесением крохи себе на прощение... А время для этого - оно всегда урочно.

«Представьте, что вы смотрите на фотографию человека, который в данный момент успешно разлагается в гробу. Вы начнёте чувствовать разложение тканей на собственной шкуре».

«Философия мага», (с) Алексей Похабов

Дом на Преображенке напротив бывшего электролампового завода при последних отблесках уходящего дня, казалось, подвисал над проезжей частью Электрозаводской улицы и пялился на случайных прохожих размеренной упорядоченностью одинаковых по размеру и форме, давно невымытых снаружи, оконных проемов. Сравнительно недалеко отсюда, менее километра по прямой, расположилась старая церковь, и изредка, в периоды синхронного автомобильно-людского затишья, до обитателей этого дома долетал благовест, призывавший к службе – либо к ранней утренней, либо к поздней вечерней. Не все из них ходили в ту церковь. Недосуг. Многие и не слышали никогда её колоколов. И не знали, что это храм Святого Николая Чудотворца. Исторические корни храма уходили ко второй половине восемнадцатого столетия, когда вся эта территория старой Москвы находилась под бдительным оком старообрядческой общины.

Напротив того храма расположилось кладбище. Оно так и именовалось – Преображенское. Доподлинно неведомо, связывало ли тот дом с тем кладбищем что-либо, кроме мрачных мыслей посетителей и того, и другого.

Стены дома были выложены старыми мастерами, кладка кирпичная. Раньше красный каленый кирпич пекли другой совсем, не чета современному. Да и клали его по-особому, зачастую через плетёную да кровью людскую: дом-то ненамного моложе той бывшей старообрядческой обители, что в далеком прошлом Успенской часовней на Преображенском погосте именовалась.

Войдя в подъезд, случайный посетитель даже с малой толикой воображения представляет себе барские конюшни: вот стойла справа и слева, выстланные душистой соломкой, и прям вереница их, а там – и гнедые, и серые, и в яблоках; ржут. Над людьми, наверное, которые после ещё будут долгие десятилетия жить и рожать, и растить тут себе подобных. Ну, чай, лучше, чем в землянках-то, поди.

А случайный медиум на входе насторожится: вот шорох нездешний, а там наверху тень на стене, да вроде как от пустого места – видимо, и не тень вовсе, выходит-то, а облако призрачное. Приглядишься – и верно ведь, что женщина в платочке маячит, да боязливо плечами хрупкими ведёт, рукой помахивая. Старенькая, тутошняя, и умерла не так давно, без посторонней помощи, а всё неприкаянная мечется: при жизни детей ей не доставало, а сейчас так хоть душу с ними отведёт, причем буквально – просочится сквозь стены кирпичные, расположится рядышком и играет с Глебушкой. Тот смотрит на неё внимательно, кивает в ответ на её байки и смеётся звонко – знает, что бабушка ребёнка в обиду не даст и от угла острого иногда висок мальчишеский отведёт, и к огню открытому не подпустит, да и сглаз соседский на себя примет, крестом отрядит. Ей, бабке старой фантомной, и в этом благодать райская.

Пройти вглубь узкого мрачного прохода, и слева в стойле чувствуется угар пьяный, справа – мать, дочь родную сукой называющая; а сверху и снизу потоки мыслей помоями сквозь шаткие половицы на головы себе подобных просачиваются, матом кроя соседей и работодателей, и государство в придачу, якобы загнавшее их всех в дебри долговых обязательств и глухомань кибернетических отношений.

Мрак. Слезы. В каждом стойле смерть. Не то чтобы она сама по себе – зло: нет, отнюдь, если только не в собственной петле и не от осколка зеркала на своём запястье. Но всех людей,

сгрудившихся в этой плоскостной реальности на конкретном пяточке земли в доме на Преображенке, связывает одна еле уловимая трагическая линия.

Квартира 66. Символично, но не верно.

Квартира 55 – дважды символично, но в итоге-таки не верно.

Совпадение ли? Нет, ибо вера в совпадения – удел сомневающих, которые по сути не верят ни во что.

Сергей вышел из подъезда, и, пройдя направо вдоль вереницы окон, очутился у небольшой арки с проходом во двор. Дом давил своим коробочным массивом и напичканной судьбами энергетикой. Осенний московский ветер колюче метался среди пустых скамеек и детских горок. В песочнице лежали лопатки и яркие разноцветные формочки. Взгляд вепса упёрся в клочок бумаги, беспомощно трепыхавшийся нижним оборванным краем на тонком стволе молодой берёзы. Верхний держался на скотче, и можно было разобрать, что кто-то просил помощи в поиске человека. Романенко приблизился и механическим жестом расправил старое объявление. На него с отпечатанного на принтере фото глянули глаза... немолодой мужчина... очень уставший взгляд из-под насупленных бровей.

«Учитель», – пронеслось в голове...

Она нервным движением руки откидывает черно-кошачью прядь волос, сбившуюся на глаза. Теперь отчетливо видны пять или шесть металлических колец, вдетых одно за другим по контуру левой брови. Ему отрешенно думается: «Эти тоже серёжками называются?» Серёжки – это что-то из разряда трогательно-притягательного, ласкающего взгляд и поднимающего настроение. Так ему, по крайней мере, всегда казалось. Эти же, в бровях девочки – как кольца вокруг газового трубопровода: обжимающие, вонзающиеся, требовательные к податливости материала, который они венчают.

– Ну, и че тарацишься? – с вызовом бросает она.

На вид лет пятнадцати, в светло-синих облегающих джинсах и черно-блестящей короткой курточке, эта юная женщина смотрит на него с нескрываемой злобой.

– Я вас знаю: вы из девятого «В», – произносит мужчина, начиная чувствовать некую неловкость от её прямого вызывающего взгляда. Но почему это *он* должен, собственно, чувствовать неловкость? Это же не *он* на спортивной площадке в пяти метрах от угла школы высасывает остатки пива из пластиковой полуторалитровой бутылки!

– Напугал, ага..! – она ухмыляется, нагло глядя ему в глаза. – Ты, может, ваще извращенец какой, шляешься тут по школьному двору в полутьме...

Тропинка от остановки до спального квартала действительно пролегает через школьный двор, и, припозднившись с работы, он решил сегодня сократить дорогу, прошмыгнув в отверстие в ограждении. Его сын учился в параллельном с ней классе, и, бывая периодически в школе по тому или иному случаю, за девять лет мужчина как-то привык распознавать лица сверстников своего ребенка.

– Барышня, вы бы не огрызались, а перестали всё-таки... пить спиртное. Выкиньте бутылку в тот бак, – он уже жалеет, что несколько мгновений назад сделал ей первое замечание. Стоило ли? Наверняка есть кто-то, кому следовало бы за ней приглядывать. «Если б на её месте был парень, я бы, наверно, промолчал, – с грустью думается ему. – Факт!»

– Ты чо, педро, она ж денег стоит, – снова огрызается девица, оглядываясь через плечо на стоявшие поодаль гаражи. – У тебя лишней сотни, кстати, не найдётся?

Ему начинает казаться, что девочка как-то неестественно реагирует на ситуацию, и он намеревается повернуться уже прочь, плюнуть на эту затею с воспитанием чужих чад. Не то чтобы весь эпизод выглядит ординарным и рутинным, но девица не выражается матерно, и это уже определенный позитив при сложившихся обстоятельствах.

– Ты куда, дядька? – вдруг выкрикивает она ему вслед. – А ну стой, щас закричу..! Насильниииик!!!

Он замирает, оторопев. Девушка визжит, как ошпаренная. Мужчина поворачивается к ней и в этот момент замечает две или три тени, выскакивающих из-за гаражей. Один, судя по всему, продолжает застегивать на ходу ширинку.

– Лёля, ты чего орёшь?! – кричит одна тень, ближайшая к ним, сильным подростковым басом, но, замечая рядом стоящего, как вкопанного, мужчину, обращается уже к нему: – Эй, дружбан, у тебя проблемы, что ли? А, друг? Лёлька, чего он хотел?

– Пиво забрать! – выплескивает она слова сквозь зубы. – И потрахаться. Прикиньте, ещё спросил, мол, у вас что ль перемена между уроками, типа перепихнуться с тобой успеем...

Все трое, замедляя движение, приближаются к мужчине. Напряжение в воздухе заметно нарастает, и мужчина неожиданно замечает, как у него учащается пульс и дыхание начинает вырываться из горла нервными толчками.

– Какая перемена, уроки давно кончились! – всё же удивленно произносит сбитый с толку мужчина. – Сколько вам лет, молодые люди? – обращается он к ним. – Эта юная особа не совсем верно восприняла моё замечание. Вам бы тоже не следовало...

Удар приходится откуда-то сзади прямо по шее, а мгновением позднее – другой, уже по лицу; так, что от неожиданности он буквально прикусывает язык, а колени как-то сами подкашиваются, и его тело обмякает, опускаясь на сырую землю. Она пахнет весной: поздний апрель только-только начал высушивать газоны после затяжной и холодной в этом году зимы. Мужчина пытается инстинктивно придержать рукой очки, чтобы они не свалились при падении – дорогие очки, на его кандидатскую зарплату не каждый год менять станешь! – но не успевает, и они слетают с его лица, больно черканув дужкой по виску. Старый, но крепкий ещё виниловый портфельчик приземляется, как ему кажется, секундой позже – рядом, возле головы.

– Бых! – вырывается у него непроизвольно.

На какой-то миг воцаряется тишина. Затем голос Лёльки:

– Тычка, посмотри у него в карманах...

Мужчина пытается привстать на четвереньки, но кто-то грубо буквально втаптывает его голову носком своей обуви в мягкую апрельскую землю. Должно быть, это и есть Тычка.

– Лежи уже, филопед!

– Педофил, дурень!

– Сам дурень. Погляди, чо там в котомке у него.

Слышится шуршание. Курсовые работы третьего курса... никак нельзя их потерять, это же... люди работали, старались, многие ночами бороздили интернет в поисках информации...

– Простите, молодые люди... – бормочет он, но прикушенный язык уже разбух и еле ворочается, так что изо рта несётся нечленораздельная каша.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.